

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Жуковский и время

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

Н.Е. Никонова

В.А. Жуковский – читатель и переводчик «Илиады» И.-Г. Фосса*

«Гений перевода»¹ – это точное определение А.С. Пушкина относится, как известно, не только к таланту В.А. Жуковского. Единственный, кто, по словам поэта, мог сравниться с русским романтиком в искусстве перевода – Иоганн-Генрих Фосс (Johann-Heinrich Voss²). И.-В. Гете так оценил его место в немецкой культуре: «Ein Mann wie Voß wird übrigens so bald nicht wieder kommen. Es haben wenig andere auf die höhere deutsche Cultur einen solchen Einfluss gehabt als er. Es war an ihm alles gesund und derb, weshalb er auch zu den Griechen kein künstliches, sondern ein rein natürliches Verhältnis hatte, woraus denn für uns andern die herrlichsten Früchte erwachsen sind»³.

Русская переводческая рецепция творчества Фосса связана, в первую очередь, с его зрелыми опытами в жанре идиллии – «Der siebzigste Geburtstag» (1781) и «Luise. Ein ländliches Gedicht in drei Idyllen» (1795). В разгар полемики вокруг идиллии в России вышли переводы этих двух народных идиллий Фосса, написанных гекзаметром: «Луиза» П.А. Теряева (1820) и «Семидесятый день рождения» М.П. Загорского (1824). Фоссовское новое понимание жанра связано с большей реалистичностью идиллии и уходом от геснеровского эскапизма. Ф. Шиллер точно определил это новаторство Фосса в сочинении «О наивной и сентиментальной поэзии» («*Über naive und sentimentalische Dichtung*», 1795), выделив его концепцию жанра как альтернативную уже существующим сентиментальным (сатирической, элегической и идиллической): в отличие от них фоссовская «наивная» поэзия не предполагала критики, оплакивания утрат или эскапизма, так как восходила к иной модели мира, к изначальной гармонии целостного бытия. Генезисом смены идиллического модуса (ранние идиллии Фосса, например «Die Freigelassenen», «Die Leibeigenen» и др., пронизаны антифеодальными настроениями) и его оформления (переход к гекзаметру) является, бесспорно, мир гомеровского эпоса – работа над переводами «Одиссеи» и «Илиады» («Odyssee», 1781; «Ilias», 1793).

Как известно, первый шаг к созданию русской «простонародной» идиллии сделал именно В.А. Жуковский через посредство И.-П. Гебеля, продолжившего по сути работу Фосса в направлении конкретизации идиллии⁴. С «Луизой» Фосса Жуковский также был знаком – благодаря К.Н. Батюшкову, который ее настойчиво советовал и прислал ему этот образец немецкой идиллии⁵. Восхищаясь новым родом в живописи фламандцев, В.К. Кюхельбекер замечает в своем «Путешествии», что

сравнить эти «сцены из обыкновенной сельской и хозяйственной жизни» можно только с «идиллиями в новейших нравах Фосса»⁶, очевидно уже получившими известность в России. К «Луизе» за вдохновением обращался и Н.В. Гоголь: первоначальное ядро «Ганца Кюхельгартена» составляли именно те картины, которые создались под непосредственным влиянием идиллии Фосса⁷.

Второй принципиально важный момент русской рецепции Фосса связан с его переводами латинских авторов и Гомера, долгое время считавшимися лучшими в Европе и ставшими классическими, поскольку переводчик впервые естественно и точно передал стих и размер оригинала. Образ Фосса часто возникает рядом с фигурой Жуковского, в частности в связи с его обращением к переводу античных авторов, которое вызывало неоднозначный отклик в литературных кругах. Так, П.А. Вяземский относится к самой затее Жуковского переводить античность критически: «Не его дело переводить Virgiliya, и экзаметрами. Шиллер не брался за дело Фосса: такой перевод не дело поэта, каков Жуковский, а дело хорошего стихотворца и твёрдого латиниста»⁸. А.И. Тургенев двенадцатью годами позже превозносит Жуковского перед Фоссом: «Что за колдун Жуковский! Знает по-гречески меньше Оленина, а угадывает и выражает Гомера лучше Фосса. Все стройно и плавно и в изящном вкусе <...>. Стихи текут спокойно, отражая гений Гомера и душу Жуковского»⁹.

Очевидно типологическое сходство судеб двух «гениев перевода» русской и немецкой словесности, их картин мира. Их объединяют понимание жанра идиллии, педагогические опыты, активная гражданская позиция, собственная теория гекзаметра, переводы Гомера и, наконец, сегодняшнее усиление интереса к их наследию, его переоценка, или культурная реабилитация¹⁰. Эволюция Жуковского от лирики к эпосу, от новаторства в русской идиллии до интерпретации «Одиссеи» и «Илиады» зеркально отражает творческий путь Фосса, пришедшего от античных переводов к «наивной» поэзии, к гекзаметру и «эпическим», поэтизирующим сельский быт детальным описаниям народной идиллии. Однако «Жуковский и Фосс» – это отдельная тема в компаративистике.

Специально мы остановимся на хранящемся в личной библиотеке В.А. Жуковского в Томске подстрочном переводе, дающем представление об осмыслении В.А. Жуковским «Илиады». Данная статья продолжает исследование, начатое проф. Ф.З. Кануновой, которая возглавила работу над трехтомной коллективной монографией, изменившей представление о Жуковском и литературном процессе XIX в. в целом¹¹.

«Одиссею» Жуковский переводит, как известно, по немецкому подстрочнику проф. К. Грасгофа, найдя, что в сравнении с английской версией А. Попа перевод Фосса более верен «истинному Гомерову духу»,

однако слишком «сух» и «прост»: «чувствительно, что немец Фосс из всей силы хотел быть греком»¹². А вот в осмыслении и переводе «Илиады» посредничество Фосса было длительным и прямым, о чем свидетельствует и материал личной библиотеки поэта. Тот же «простой» стиль и «шероховатый язык» Фосса-переводчика, по мнению Жуковского, оказывается «верным» в передаче «несравненной простоты подлинника»¹³. Переводу Фосса Жуковский следует, создавая отрывки из «Илиады» летом 1828 г., в письме к А.И. Тургеневу он указывает, что «перевел уже довольно»¹⁴. Жуковский пользуется переводом Фосса и в 1850-х гг., намереваясь, как он указывает в письме к Н.В. Гоголю, «оставить по себе в наследство отечеству полного Гомера»¹⁵.

Изучение перевода Жуковским «Иlias» Фосса, сделанного на страницах первого и второго томов в четвертом издании его собрания сочинений¹⁶, имеет свою историю. Впервые указал на наличие подстрочника и описал характер маргиналий В.В. Лобанов¹⁷. Затем планы Жуковского и 600 стихов карандашного текста, соответствующие «Отрывкам из “Илиады”»¹⁸, были опубликованы Г.А. Чупиной¹⁹. Однако подстрочный перевод включает в общей сложности 815 стихов. До соответствующего «Малой Илиаде» (термин А.Н. Егунова) фрагмента Жуковский переводит зачин «истории» (13 стихов) – изображение Аполлона и волю Зевса, дважды **на нижней крышке переплета** и в тексте Фосса (С. 5–6):

<Изображение Аполлона>

Так молил Хризеб и Феб услышал молитву.
Быстро потек он с вершины Олимпа разгневанный сердцем,
Лук тугой на плечах. За спиной колчан затворенный.
Стрелы гремели биясь о хребет раздраженного бога
С громом полет его: он страшно как ночь прибежал
Стал невдали кораблей и лук натянул и прицелясь
Выстрелил: с звоном ужасным серебряный лук разогнул.
Месков и псов быстроногих сначала сразил он; но скоро
В греков самих [нрзб.] стрелы направил; погибло
Много их; денно и ночью костры погребальны пылали.

<Воля Зевса>

Так сказал и подвинул густыми бровями Кронийон!
Кудри власов амврозийских с главы Громовержца шатнулись
Все вперед на чело: задрожала вершина Олимпа.

После этой завязки следует текст перевода, соответствующий известным «Отрывкам...», но на 600-м стихе перевод не оканчивается, без всякого пропуска или разделения следуют еще 115 стихов подстрочника из Песни Двадцатой (в пер. Н.И. Гнедича «Битва богов»):

С. 203

Столь великий был гром при нисходе с небес олимпийцев.
В битву становятся: против владыки морей Посидона стал странник

Феб Аполлон;
Против Арея Паллада Афина
Против Геры богиня с золотыми стрелами Артемида
[нрзб.] непобедимого бога сестра Аполлона;
Против Леты посол благовестный Крониона Эрмес
Против Ифеста глубокошумящий властитель потока
Названный на небе Ксантом у смертных слыvuщий Скамандром.
Так на Богов устремилися Боги. Но Гектора жадно
Ищет в бою Ахиллес;
Аполлон на него посылает Энея.

С. 207

Первый Эней выступает с угрозою дикой, колебля гривую тяжкого шлема
Щит перед грудью держа, копьем медноострым своим потрясая
Яростно мчится навстречу Пелид. Как могучий
Лев выступает, когда на убийство его собирают
Целый народ звероловцев. Сначала спокойно и гордо
Шествует он; но едва копье звероловца младого
Тронет его, он стгибается, зубы оскалив, чтоб прыгнуть.
Сильным хвостом по бокам крутым
Справа и слева он бьет, возбуждая себя к нападенью.
Грозно крутит он очами [нрзб.].
Так Ахиллес, приближаясь, горя нетерпением души,

С. 208

Встретил Энея.

С. 211

Сошлись. Эней копье раскачавши
Бросил; оно ударилося в щит Ахиллесов и громкий
Отзвон послышался, мощной рукой Ахиллес подставляет
Щит под удар. Вонзилось копье, но щита не пронзило.
Тут Ахиллес, устремивши копье, попадает в Энеев
Выпуклый щит, у самого края, где медной оправы
Слой тончайший лежал и полость из кожи воловьей
Тоньше была.
Ясень могучий и щит затрещал – Эней уклонился
Поднял его; копье над самым плечом просвистевши
В землю вонзенное; стало; и щит по краям раскололся.
В [нрзб.] стоял, и в глазах у него почернело от [нрзб.]!

С. 212

Под смертный удар, Ахиллес обнажив меч
Свой, и воплем ужасным [нрзб.] вперед
Камень схватил полевой, огромный [нрзб.]

С. 214

Тут Ахиллесу очи затмил [нрзб.]
Он ратью Троян окружил; скрывая Энея
Горе мне! Чудо великое здесь пред глазами моими
Вижу: копье на земле; но мужа, в кого устремил
Я раздраженный его, не видно нигде. Знать

Боги бессмертные любят Энея [нрзб.]
 [нрзб.] в бой со мной он вступит
 Он не посмеет уж силы свои испытать. То сказавши
 В гущу Троян побежал Ахиллес, копьем потрясая.

С. 216

Первый погиб от наяды рожденный у снежного Тмола
 Сын Оринтов, потом Гипподам, затем Демолеон
 Вдруг Полидор [нрзб.]
 Он был младший и самый любимый Приамов сын
 С резвостью детской у всех впереди забавлялся беспечно.
 Быстрым он бегом доколе цветущая жизнь не исчезла.
 Вдруг на бегу поразило его копье Ахиллеса
 Прямо в хребет в том месте, где пражкой златою
 Пояса панцирь был стиснут; на вылет пронзило
 Чрево копье; застонав он упал на колени и мраком
 Смерти покрылось младое лицо; он зажал извиваясь
 Рану, из коей вся внутренность вытекла с кровью, и умер.

С. 217

Гектор увидел, как брат [нрзб.]
 С горя в очах у него потемнело; не снес он толикой
 Скорби, он кинулся быстро, подняв копье на Пелида.
 Радостно прынул; узревши его, Ахиллес.
 Здесь воскликнул он растерзавший мне душу
 Горем убийца Патрокла! Свели нас бессмертные боги
 Не будем мы дольше друг друга [нрзб.], полно как [нрзб.]
 К Гектору с сумрачным взглядом потом обратясь, он молвил
 Ближе! К скорой зас<луженной> смерти:
 Смело отвечивал гривистым шлемом украшенный Гектор
 Сын Пелея не устрасить меня, как младенца
 Тщетной угрозой! И сам я обидным иль дерзким словом
 Мог бы тебя оскорбить! Я ведаю сколь ты бесстрашен!
 Знаю и то, что ты смел,
 Но мы все во власти бессмертных!
 Я и слабейший могу тебя поразить копьем, на конце заостренным,
 Так сказал он, копье раскачал и пустил в Ахиллеса,
 Но Афина его отвела от Пелидовой груди,
 Оно отлетело обратно
 К Гектору, пало без силы пред ним. Ахиллес разъяренный
 Кинулся, жадно его [нрзб.]
 Но Аполлон, во мгновение туманом его окружив,

С. 218

Быстро унес. Троекратно за ним Ахиллес устремлялся
 С медноблестящим копьем, троекратно туман поражая.
 Видя что Гектора нет, он как яростный демон воскликнул:
 Снова укрылся ты, пес кровожадный от смерти! Погибель
 Близо прошла над тобою! Но видно усердно ты молишь
 Феба духом в сраженьи! Тебя он похитил! Но скоро
 Свидимся мы! Я скоро кончу с тобою! Помогут
 Боги и мне! Теперь поспешим на другую ловитву.

С. 219

Словно, как страшный пожар, в горах засохших от зноя,
[нрзб.] зажигал и [нрзб.]
[нрзб.] и вихрь [нрзб.] необъятные скалы.
Так на убийство, свирепый и страшный как демон
Мчится с копьём Ахиллес и кровь по земле разливает.

С. 220

Как под ногами волов крутолобых, ярмом отягченных,
Мнутя ячменные снопы и зерно, выпадая из класов, под копытом
Б[нрзб.] ног мычащих волов на току иль молотят,
Так с Ахиллесом божественным мощные кони как вихри
Мчались вперед по телам, по согбенным щитам; с обагранных
Осей капала кровь; на красивый перед колесниц
С громко грохочущих ног; и с шумных колес кровавые
Брызги летели. Так стремился с свирепую жаждою славы
Сын Пелеев; и руки свои [нрзб.] он кровью.

«Малая Илиада» является эскизом полного варианта эпоса, что подтверждает не только перевод, но также планы Жуковского и отчеркивания фрагментов, пронумерованных цифрами от 1 до 6 в продолжение переведенных стихов (С. 202–317). Общий замысел сюжета выглядит следующим образом (нумерация отчеркиваний сделана Жуковским; аннотация содержания отчеркиваний наша. – *Н.Н.*):

<Без нумерации>. Приготовление богов к бою (отчеркивание и подстрочный перевод 12 стихов).

1. «Сходка» Ахиллеса с Энеем (отчеркивание и перевод 19 стихов).
2. Битва Ахиллеса с Энеем, поражение от его руки Гипподама и Демолеона (отчеркнуто и переведено 35 стихов).
3. Гибель Полидора от руки Ахиллеса, встреча и битва с Гектором (48 стихов перевода).
4. Речь Ахиллеса над телом убитого им Пелегона, Гера укрощает Гефеста, спор богов (Песнь 21, переведено 14 стихов, отчеркнуто 121 стих).
5. Возвращение Аполлона, смерть Гектора, плач Андромахи, погребение Патрокла (Песни 21–23, отчеркнуто 868 стихов).
6. Речь Приама (Песнь 24, отчеркнуто 25 стихов).

Содержание отчеркнутых, но не переведенных стихов не единожды отражается в пяти планах Жуковского вместе с содержанием переведенных, что позволяет говорить о целостном осмыслении «Илиады».

Ср.:

На с. 182

- Известие о смерти Патрокла
- Перед сражением
- Сражение с Гектором
- Погребение
- Приам

На нижнем форзаце

- Речь Ахиллеса
  - Вооруже<ние>
  - Сражение с Энеем
  - Боги в бою
-
- Сражение с Энеем
    - с Полидором
    - с [нрзб.]
  - Возвращение Аполлона
  - Сражение с Гектором
    - погребение Патрокла
-
- Приам

Как показывает анализ помет и подстрочного перевода «Нias» Фосса, замысел «Малой Илиады» гораздо более значителен и важен в творческой эволюции Жуковского-эпика, чем осуществленная публикация отрывков, и не нацелен на прямую полемику о принципах перевода в связи с готовящимся в это время к выходу в свет изданием «Илиады» Н.И. Гнедича. Вторая часть перевода, приведенная выше, содержит, главным образом, представление сцен военной брани: расстановка богов в бою, сражение Ахиллеса с Энеем, убийство Гипподама, Демолеона и Полидора, бой с Гектором и развернутое описание дальнейшего кровавого пути Ахиллеса. Однако вкупе с пометами вырисовывается очевидно и третья часть замысла сокращенной «Илиады», содержащая развязку противостояния двух героев. Сначала на небе (спор богов), а затем на земле (гибель Гектора и похороны Патрокла) разрешается история войны и противоборства, но отдельной частью (см. план) и важнейшим финальным акцентом становится речь старого Приама, оплакивающего «самого смелого» и «равного богам в добродетели» сына.

Набросок «Илиады» Жуковского не ограничивается «Ахиллеидой»: хотя внешнюю коллизию и главную событийную линию задает гнев Ахиллеса, характер Гектора не менее важен. По замыслу поэта, эти два образа качественно противопоставлены: насколько дерзок Ахиллес, настолько благороден Гектор, увещающий разъяренного врага и уповающий на волю богов. «Илиада» Гомера строится на симметрии «взаимоотражающих сцен»²⁰, «Илиада» Жуковского – на симметрии двух характеров. Гектор экспонирован во всех сценах как мудрый и смиренный муж, в переводе его добродетель подчеркнута, и уточняется сам мотив сходимости с Ахиллесом:

Voss	Жуковский	Гнедич
«Schnell vor die augen herab floss dunkel ihm, und er ertrug nicht // Länger entfernt zu verkehren».	«С горя в очах у него по- темнело; не снес он толикой // Скорби».	«Свет помрачился в очах Приамидовых: боле не смог он // В дальних рядах оста- ваться».

Перевод эпоса 1828 г. с немецкого выполнен точно. Не зная греческого подлинника, Жуковский старается практически дословно передать немецкий текст, его семантику, жертвуя размером и не укладываясь в гекзаметр. Осуществленный замысел носит экспериментальный, предварительный, но целостный характер, сокращение «Илиады» имеет свою логику.

Во-первых, по указанию самого поэта, перевод делается для его воспитанников – великого князя Александра Николаевича и его сестер («перевожу для детей своих отрывки из “Илиады”»²¹) и, очевидно, предвещает идею об «образовательном» греческом эпосе «для юности», который, по нереализованному позднему замыслу поэта, должен был включать «очищенную, но не искаженную “Одиссею”», а также «лучшие места из трагиков и “Илиады” и “Энеиды”»²². Поэтом Жуковский, следуя своим же переводческим принципам, выраженным позже в письме С.С. Уварову, и стремясь сохранить насыщенность и динамику внешнего и внутреннего, не только психологического, но и событийного действия, исключает всю предысторию «Илиады», оставляя только краткую завязку, пропускает описание языческих игр и состязаний после погребения Патрокла, а также развернутые эпические картины.

Во-вторых, понятен последовательный отбор острейших драматических сцен, развивающих тему отмщения, героической жертвенности и воздаяния. Осмысление «Илиады» в конце 1820-х гг. представляет собой не только значительный шаг на пути к эпосу 1840–1850-хх гг., но и часть поэтической историософии романтика. Эскиз «Илиады» создан в период шестилетнего молчания поэта после известных событий на Сенатской площади, а контекст публикации «Отрывков...» («Торжество победителей», «Видение» и «Море») позволяет прочесть целостный героико-элегический сюжет как реквием по декабризму, песнь покаяния, поминовения и памяти²³.

Наконец, полный подстрочник Жуковского представляет материал, интересный с точки зрения развития переводческой стратегии поэта, поскольку представляет первый опыт перевода Гомера. В данном случае действует основной принцип Жуковского-переводчика – принцип избирательного сродства. В общем точно следуя тексту Фосса – но не буквально, а семантически – Жуковский сохраняет свою поэтическую ин-

дивидуальность в этом «соперничестве». Его «Малая Илиада» менее пафосна, чем «Ilias» Фосса; проще и понятнее перевода Гнедича. Язык сложных эпитетов более виртуозен и одновременно более естественен, хотя полностью отражает семантику немецкого оригинала:

Voss	Жуковский	Гнедич
tiefstrudelnd	глубокошумящий	глубокопучинный
helmumflattert	гривистым шлемом украшенный	великий
erzblinkend	медноблестящий	огромный
breitstirnig	крутолобый	крепкочелый

Об оригинальности замысла Жуковского свидетельствует и собственная транслитерация некоторых имен героев и богов, отличная от сложившейся традиции:

Voss	Жуковский	Гнедич
Hermeias	Эрмес	Гермес
Xanthos	Ксант	Ксанф
Hafästos	Ифест	Гефест
Poseidon	Посидон	Посейдон

Следуя стратегии последовательно точного перевода, Фосс представляет «Илиаду» в прошедшем времени, строго соблюдая в авторских описаниях глагольную форму имперфекта (episches Präteritum). Жуковский акцентирует введение каждого нового эпизода, новой схватки, сменой времени повествования. К примеру, первые же строки перевода:

С. 159–160

Спешно Гектор *идет* по красиво устроенным стогнам.
 Твердый замок пройдя, наконец *достигает*
 Скейских ворот, ведущих из града в широкое поле.
 Там Андромаху, супругу, он *встречает*,
 С нею *был* сын, на груди у кормилицы, нежн<ный> младен<ец>
 Тихо *лежал* <...>.

Это чередование не всегда стройно, однако оно делает русский текст более динамичным. Повествование распадается на ряд эпизодов, практически каждый из которых в русском тексте задаётся с «точки зрения»²⁴, синхронной повествователю и реципиенту. Использование настоящего времени несовершенного вида в более лаконичных экспозициях сцен брани (в публикуемой части перевода) усиливает напряженность и заостряет драматизм происходящего. Ср.:

Voss	Жуковский	Гнедич
<i>Stellte sich Föbos Apollon</i>	В битву <i>становятся</i>	<i>Стал</i> Аполлон длин- нокудрый
<i>begehrt' er</i>	Жадно// <i>ищет</i> в бою Ахил- лес	Сердце его беспре- дельно <i>горело</i>
<i>Kamen hervor</i>	<i>подходит</i> Эней	на среду <i>выходили</i>
Und er <i>traf</i> dem Äneias den schild	<i>попадает</i> в Энеев // Вы- пуклый щит	И <i>ударил</i> противника в щит
So rings <i>flog</i> mit der lanze <...> // <...> und blut <i>umströmte</i> das erdreich	<i>Мчится</i> с копьем Ахиллес и кровь по земле <i>разлива-</i> <i>ет</i>	кругом <i>устремлялся</i> // <i>Гнал, поражал; за-</i> <i>струлился</i> черною кровию поле.

В данном различии композиционной типологии проявляется особое качество эпичности Жуковского, в которой доминирует объектная организация феноменов «”внутреннего” зрения». В фоссовском переводе в этой роли выступает субъектная организация феноменов «”внутреннего” слуха»²⁵, так как ему важнее передать размер и ритм оригинала. Эпическая широта картины создается в немецком тексте за счет распространенных периодов, а также отчасти компенсируется посредством повторяющегося обращения «Siehe»; «Siehe nunmehr <...>» («Смотри»; «Посмотри, вот <...>»). В.К. Кюхельбекер, читавший Гомера не только в интерпретации Фосса и неоднократно отмечавший его «отличный перевод»²⁶, считал эту стратегию переводчика ущербной именно из-за «слишком ученого, периодического, обильного деепричастиями словосочинения»²⁷. В опыте подстрочного перевода Жуковский жертвует строгостью гекзаметра, чтобы избежать грамматической перегруженности немецкого эпоса.

Таким образом, подстрочный перевод и пометы В.А. Жуковского-читателя в «Ilias» И.-Г. Фосса свидетельствуют о том, что замысел поэта 1820-х гг. носит целостный характер и занимает важное место в творческой эволюции романтика на пути к эпосу и оформлению принципов передачи гомеровской поэтической лексики в переводе «Одиссеи».

Примечания

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 07-04-00052а.

¹ Ср.: «Переводы избаловали его <Жуковского>, изменили; он не хочет сам созидать, но он, как Voss, гений перевода» (Пушкин А.С. Письмо П.А. Вяземскому и Л.С. Пушкину, 25 мая и около середины июня 1825 г. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 10. Письма. Л., 1979. С. 117–118).

² С именем Фоссу в русскоязычном литературоведении не повезло: вероятно, вслед за «Энциклопедией Брокгауза и Ефрона» во многих работах он по ошибке называется Иоганном-Фридрихом.

³ Человек, подобный Фоссу, появится, впрочем, нескоро. Мало кто другой оказал такое влияние на высочайшую немецкую культуру. В нем все было здорово и крепко, потому и к грекам он имел отношение не искусственное, а чисто натуральное, что принесло нам, остальным, свои прекраснейшие плоды. (*Engelke K.* «Sei uns gegrüßt, du holde Freiheit». Johann Heinrich Voss // *Niedersächsische Klassiker* [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://www.klaus-seehafer.de/html/voss.htm>. Дата обращения: 25.01.2007 г.; перевод наш. – *Н.Н.*).

⁴ См.: *Вацуро В.Э.* Русская идиллия в эпоху романтизма // *Пушкинская пора*. СПб., 2000. С. 523–524.

⁵ См. об этом: *Янушкевич А.С.* Книги К.Н. Батюшкова в библиотеке В.А. Жуковского // *Батюшков: Исследования и материалы*: Сб. науч. тр. Череповец, 2002. С. 99–131.

⁶ *Кюхельбекер В.К.* Письмо XIX (отрывок из путешествия). 2 (14) ноября 1820. Дрезден. // *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 21.

⁷ *Виноградов В.В.* Гоголь и натуральная школа. Л., 1925. С. 45.

⁸ *Вяземский П.А.* Письмо к А.И. Тургеневу от 3 июля [1822 года] // *Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 381.

⁹ *Тургенев А.И.* Письмо к П.А. Вяземскому от 8/20 сентября. 1844. // *В.А. Жуковский* в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 219.

¹⁰ С 1977 г. премия лучшему переводчику Германской академии языка и поэзии носит имя Фосса, и только в 1993 г. организовано общество «Johann Heinrich Voß-Gesellschaft» (г. Ойтин) по изучению его творческого наследия. См.: <http://www.voss-gesellschaft.de/index.html>

¹¹ Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, 1984, 1988. Ч. 1–3.

¹² *Жуковский В.А.* Письмо к А.И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г. // *Жуковский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 472.

¹³ *Жуковский В.А.* Письмо к А.И. Тургеневу от 2 (14) сентября 1828 г. // Там же. С. 506.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 555

¹⁶ *Homers Werke / von Johann Heinrich Voss.* 4 verbesserte Auflage. Bd. 1–4. Syuttgart u. Tübingen, J.G. Cotta, 1814.

¹⁷ Библиотека В.А. Жуковского. Описание / Сост. В.В. Лобанов. Томск, 1981. № 1315. С. 188.

¹⁸ Впервые при жизни Жуковского: «Северные цветы», 1829. С. 76–119.

¹⁹ *Чупина Г.А.* Первый опыт перевода Гомера // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск, 1988. Ч. 3. С. 434–454.

²⁰ *Гордезиани Р.В.* Проблемы гомеровского эпоса. Тбилиси, 1978. С. 88.

²¹ *Жуковский В.А.* Письмо к А.И. Тургеневу от 2 (14) сентября 1828 г. // *Жуковский В.А.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 506.

²² *Жуковский В.А.* Письмо к С.С. Уварову от 12 (24) сентября 1847 г. // Там же. С. 662.

²³ Об этом подробнее см.: *Янушкевич А.С.* В мире Жуковского. М., 2006. С. 202–206.

²⁴ *Успенский Б.А.* Поэтика композиции. СПб., 2000. С. 16.

²⁵ *Тюпа В.И.* Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М., 2001. С. 105.

²⁶ *Кюхельбекер В.К.* Дневник. 1833. 20 янв. // *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 223.

²⁷ Там же. С. 231.